

RU

Русский символизм Серебряного века: философская лирика как эстетическая проблема

Петрык Я. Ю.

Аннотация. Цель исследования – определить особенности философской лирики как эстетической проблемы в философии русского символизма Серебряного века. В статье проясняется роль философской лирики как проблемы целостного выражения истинно-сущего, выявляются её формальные (поэтический символ) и содержательные (в виде двух триад) элементы. Научная новизна исследования заключена в рассмотрении специфического для эстетики русского символизма феномена философской лирики. Общим местом является исследование статуса поэзии в целом, тогда как статусу философской лирики в русском символизме не уделено должного внимания. В результате доказано, что философская лирика способна выражать самые сложные явления и идеи в наиболее совершенном виде, являясь универсальным паттерном, в котором проявляется экзистенциальная природа личности.

EN

The Russian Symbolist Poetry of the Silver Age: Philosophical Lyrics as Aesthetic Phenomenon

Petryk Y. Y.

Abstract. The research objective is as follows: to identify specificity of philosophical lyrics as an aesthetic phenomenon in the Russian symbolist poetry of the Silver Age. The article clarifies the role of philosophical lyrics as a means to express existence, reveals its formal (poetical symbol) and meaningful (concept of two triads) aspects. Scientific originality of the paper lies in the fact that the researcher examines philosophical lyrics, a poorly investigated phenomenon of the Russian symbolist poetry. Contrary to previous studies focused on analysing the status of poetry in general, the article considers the status of philosophical lyrics in the Russian symbolism. The research findings are as follows: the author proves that philosophical lyrics most accurately describe the most complicated phenomena and conceptions, being a universal pattern through which human existential nature manifests itself.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что эстетика – это всегда поиск новых форм выражения сущего, а вариативность и исходная самобытность философской лирики в эстетике – это поле рефлексии, в котором расширен поиск инструментария, пригодного для того, чтобы создать целостную картину мира и сформулировать его «новое видение», используя внерациональные способы постижения истинно-сущего. Таким образом, уточнение границ философской лирики, анализ ее видовых форм, обоснование методологических критериев данного явления – одна из актуальных проблем современной эстетики, а размышления о том, какова природа философской лирики и насколько адекватно воплощение истинно-сущего именно в поэтической философии, обладают неизменной академической актуальностью.

Серебряный век, как период «русского духовного Ренессанса» (Н. А. Бердяев), – явление сложное и многогранное. Однако «каждая эпоха выбирает свое опорное понятие, на котором созидает язык», и «описание картины мира» – «общее имя этого языка – эстетика» [8, с. 167]. Для Серебряного века, чья «эстетическая нормированность» (Н. А. Кормин) сегодня очевидна, именно эстетика взяла на себя «роль философско-исторического аргумента» [Там же, с. 173], посредством которого человек искал «разгадку собственной жизни» [Там же], порождая «лирическую кардиософию» [Там же, с. 255], выявляя экзистенциальные мотивы человеческого бытия. Именно в рамках многообразной эстетики Серебряного века «жизнеполагающей интенцией» и своеобразным «регулятивным “эйдосом”» явилась философия символизма, в которой значимым был не просто этико-теоретический элемент философствования, но и поэтический символ. Именно русскими символистами Серебряного века было предложено одно из возможных и, пожалуй, самых интересных толкований понятия «философская лирика».

Тяготение философов-символистов к осмыслению проблем онтологического и экзистенциального порядка, заострив внимание на вечных вопросах бытия в их цельности и синтетичности, привело к тому, что именно лирика с ее универсальным непосредственно-целостным отношением к сущему, ярко выраженной жизнеспособностью личного начала стала тем эстетическим феноменом, который максимально насыщено и глубоко воплотил духовные идеи времени. Именно единением с миром духовных ценностей, а не приобщением к точным наукам решаются экзистенциальные вопросы, поэтому для русских символистов важнейшей формой мышления о мире явилась философская лирика. Необходимость обоснования её эвристической ценности как способа выражения истинно-сущего стала той главной эстетической проблемой, которую старались разрешить русские символисты.

Для достижения указанной нами цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, рассмотреть основные идеи русского символизма как эстетического феномена относительно воплощения истинно-сущего в диспозиции «философия – поэзия»; во-вторых, выявить основные формальные и содержательные аспекты философской лирики русского символизма и обнаружить ее отличие от лирики нефилософского плана; в-третьих, обосновать самобытность и важность философской лирики как универсальной модели воплощения истинно-сущего.

Философская лирика – область интуитивно-чувственного, где неопределенность интуитивных представлений соседствует с точностью чувственных характеристик магического слова; она не предполагает строгих в категориальном и логическом виде дефиниций, поэтому метод экспликации помогает структурировать и концептуализировать идеи и положения философско-поэтического творчества русских символистов. В философской лирике возможны чистое воспроизведение и наглядное выражение наличных фактов; она апеллирует не только к самопознающему «Я», но и ко всеобщим родовым основам человеческого бытия, размыкая поэтическое пространство по универсальным координатам, воплощая глубинный ценностный смысл бытия.

Теоретической базой исследования, наряду с трудами русских символистов В. С. Соловьева [16-18], А. Белого [4; 5], Д. С. Мережковского [13], послужили публикации современных отечественных философов и эстетиков Ю. М. Лотмана [12], А. Ф. Лосева [10; 11], И. Н. Сиземской [14], С. С. Аверинцева [1], К. Г. Исупова [8].

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемый в статье эстетико-аксиологический и экзистенциальный потенциал философской лирики русского символизма может быть использован в университетских курсах эстетики и русской философии.

Основные идеи русского символизма в диспозиции «философия – поэзия»

Проблема обоснования философской лирики в Серебряном веке – это проблема артикуляции сложнейшей методологии, которая станет необходимым моментом теоретического основания демаркации логического и поэтического, научного и художественного и выведет философскую лирику из ситуации инфиниции. Очевидность неодинаковых типов методологии логического и поэтического, а также различие в степени языковой выразительности делали эту проблему чрезвычайно сложной. Обоснование состояло не просто в формировании определенной схемы или структуры философской лирики, а в создании «сложного целого», в образовании единой системы объяснения данного феномена, в которой все элементы на всех уровнях соотношены друг с другом. Подобный опыт обнаружения философских оснований поэтического творчества как такового, а также обоснования существования философской лирики как «сложного целого» и важнейшего эстетического феномена был отмечен у русских символистов (В. С. Соловьев, А. Белый, Д. С. Мережковский).

Во всех метафизических построениях приступают к исследованию, исходя из первых причин. Поиск абсолютной идеи, основы и цели, которые сообщают целостность познавательному процессу и способствуют раскрытию всех степеней истины, обусловлен тяготением философии к «началу» как субстанциональному единству. Русские символисты под началом понимали истинно-сущее, абсолютное, безусловное, полагающее свою явленность и воплощенность, «объективное выражение и осуществление» [18, с. 198], которое в своей целостности «не дается... ни внешней наблюдаемой реальностью, на которую полагается положительная наука... ни чистым разумом, на котором основывается отвлеченная философия» [Там же, с. 192]. Таким образом, под исходным принципом философии в русском символизме мыслилось нечто безусловное, обладающее свободной полнотой содержания и смысла и *требующее совершенной формы воплощения и осуществления*. Иными словами, именно законченное и многостороннее воплощение истинно-сущего становилось важнейшей эстетической проблемой в философии русских символистов.

Данное всестороннее воплощение полагалось возможным в грядущем синтезе «цельного знания», которое В. С. Соловьев трактовал как актуальное синтетическое единство всех возможных путей познания, методов и систем, где в рамках интегративного знания не все элементы абсолютной идеи должны быть явлены только логически и получить исключительно понятийное выражение. Безусловное требование В. С. Соловьева в работе «Философские начала цельного знания» состояло в том, чтобы теоретическая мысль обязательно объединялась с областью эстетического, мистического, художественного воплощения смысла, которые действеннее и результативнее, нежели мышление в понятиях, охватывают «все в единстве», так как открывающаяся только логическим знанием «сумма определенностей не может исчерпать собой все бытие» [13, с. 212].

Подобные воззрения и становятся отправной точкой безусловной эвристической ценности художественного мировидения как формы прямого усмотрения цельности философских начал. Искусство становится «предметным созерцанием», «органическим творческим самоопределением», свободным творческим актом «жизнетворчества», где *поэтическое* в силу своей наименее материальной природы способно в наибольшей степени приблизиться

к постижению истинного смысла бытия, имеет возможность раскрывать онтологические глубины, восходя к подлинной красоте мира. Таким образом, в рамках художественного мировидения наиболее ценной формой искусства для русских символистов становилась поэзия, обретавшая весьма высокий когнитивный статус.

В. С. Соловьев стремится построить концепцию «цельного знания», объединив философию и поэзию, теоретический и эстетический компоненты на основе целостного мистического опыта, являющегося «верховным принципом», который столь же важен в познавательном процессе, как рационализм и эмпиризм. Объединение данных сфер приводит к тому, что станет возможным такое мировидение, в котором истина будет прозреваться на определенных условиях, где идеальные образы художника возникают перед его умственным взором сразу во всей их внутренней целостности и не являются простыми копиями с эмпирической действительности или отвлеченными общими понятиями. Поэзия, полагали символисты, не есть познание, но «условие познания», где целью представляется воплощение полноты мира, а «истина, добро и красота выявлены и предъявлены человеку в их самоочевидности» [16, с. 376]. Познанием и объяснением мира занимается наука, тогда как поэтическое творчество имеет иные задачи: осуществления и воплощения истинно-сущего в особой форме, непреложной ценностью которого становится способность поэта к трансцендированию, экстатическому вдохновению, к «особому подъему духа над обыкновенным состоянием» [17, с. 305].

В. С. Соловьев обосновывает единство философии и поэзии, исходя из того, что обе сферы, «без всякого сомнения», есть результат «некоторого субъективного творчества» [18, с. 307]. Поэзия, как и философия, воплощает все те же идеальные образы, привнося субъективный компонент, состоящий в созвучии с объективным смыслом. Отличие поэзии от философии состоит только в «формальной конечности» и «красоте форм», что же касается доказательности, то данный критерий не может служить основанием их различия, так как может быть отнесен безоговорочно лишь к положительным наукам.

Таким образом, единство философии и поэзии порождает *поэтическую философию* как первичную форму философского дискурса, в котором философское содержание пробуждается и развивается при помощи средств поэтического языка, тогда как глубинная поэтическая мысль содержательно всегда является философской. В представлении русских символистов, в рамках «цельного знания», философия выходит на уровень *индивидуально-личностного поэтического языка* выражения смысла, а поэзия – на философский уровень насыщения своих чувственных образов, и в условиях наличия *глубинного содержания* поэтического текста рождается новое эстетическое явление – *философская лирика*.

Вместе с тем В. С. Соловьев настойчиво предостерегает, что не всякое чувство и не всякая фантазия как важнейшие компоненты поэтического языка могут явиться подобным формообразующим элементом *философской лирики*. В *лирике* интересно чувство не как изъявление чистой субъективности, но только как получающее объективное выражение: «...красота души... состоящая в созвучии с объективным смыслом вселенной» [17, с. 374]. *Истинным положительным началом поэтического творчества является такое субъективное чувство, которое стремится закрепить своё непосредственное состояние с объективным выражением*. В грядущем гармоническом универсуме «теоретическая сфера мысли и познания... и эстетическая сфера чувства и творчества» будут различаться между собой не образующими элементами, «а только сравнительной степенью преобладания того или иного элемента» [16, с. 230]. А. Белый писал: «...такое изменение способа выражения стоит в связи с изменением теории познания, согласно которой познание во временном вечного перестает казаться невозможным» [5, с. 224].

Весомую роль в эстетике русского символизма сыграло обнаружение её отличия от лирики нефилософского плана, ведь не всякую поэзию можно назвать лирической, а стихотворение, будучи формой высказывания и обобщением эмоционально-психологического или иного не концептуально-логического смысла, не всегда является философским. Демаркация философской лирики от нефилософского поэтического текста осуществлялась русскими символистами на основе критики расхожего гегелевского положения о признании поэтической лирики как чистой субъективности, или «царства субъективности». Лирика воспринималась символистами не только как реальность, которая выражала «бесконечные переливы и оттенки» внутренней жизни, но и как способность *гармонизировать внутренние интенции с всеобщим*. В поэзии и в лирическом чувстве как таковом субъект не переносит себя в предмет и не растворяется в нем, но, проникая в него, извлекает из его внутренней глубины все те ощущения, которые пробуждаются в случае «столкновения» с предметом. Поэтическое произведение фиксирует миг слияния *субъективного с космическим и вселенским*, концентрирует красоту и гармонию данной минуты; поэт создает стихотворение не как рационалистическую философскую конструкцию, а как эмоционально-смысловую импровизацию, выявляя глубокий позитивно-преобразовательный смысл поэзии.

Резюмируя, следует сказать о том, что философская лирика воспринималась русскими символистами не по остаточному принципу, принципу дополнительности или остенсивности. Философская лирика предполагает освоение действительности не посредством понятийного мышления, но в образах, выявляя сверхчувственное через чувственное, обнаруживая эмоциональные связи, не скованные логическими ограничениями, предполагая целостность на уровне воображения и чувственности, где само образование абстракций мыслится как процесс, не обедняющий чувственную реальность. В силу данного основоположения философская лирика обретает необходимый характер и самостоятельный статус, являясь возможностью артикуляции тех семантических нюансов, которые остаются за пределами дискурсивного знания. Философская лирика, как её понимают русские символисты, – это художественно-теоретическая рефлексия, где сама мысль (истина) переходит в сферу эстетики и становится самостоятельным эстетическим актом, оставаясь при этом на теоретическом уровне способом организации знания – чувственно-рациональным, образно-понятийным элементом освоения мира и раскрытия истинно-сущего. В философской лирике, которая не является методом познания,

невозможно обнаружить проблему генезиса познавательных возможностей, но допустима проблема их структурирования и оформления. Истина едина, но каждый созерцает ее по-своему, поэтому в нашем познании истина никогда не дана в чистом виде, а всегда проходит сквозь призму нашей личности, эмоционально-экзистенциального переживания, что и становится основанием философской лирики, которая образует единый формально-семантический конструкт, необходимый для полноты явленности истинно-сущего.

Формальные аспекты философской лирики русского символизма

В обосновании значимости философской лирики существенную роль играет даже не характеристика ее содержания, но форма выражения – авторский поэтический язык. Русские символисты разделяют положение о том, что поэтический язык суггестивен, метафоричен, обладает метрико-ритмической организацией (А. Белый), благодаря чему образуется некий «понимательный конструкт», то есть актуализируется такое качество текста, где в обобщенном представлении о мире сохраняется личностное начало, а внутренний «логический фундамент» стихотворения не позволяет выродиться поэтическому тексту в «чистую дидактику» (В. С. Соловьев) и превратиться в набор прозаических идей. «Поэтический образ прорывает поверхность языка» [3, с. 15], помогает оперировать значениями не просто относящимися к субъекту, а считать субъекта всякий раз порождающим новые интимно-личностные смыслы, способствуя творческой рефлексии и самостоятельному смыслопорождению.

В языке А. Белый различает три возможных типа слов. Первый тип – «живое слово» [5, с. 167] – это цветущий организм, слово, которое охватывает собой все практическое многообразие явлений, позволяющее уловить и выразить их всесторонне. Второй тип – «прекрасный мертвый кристалл» [Там же] – это слово-понятие, несущее лишь определенные характеристики вещи. И третий тип – прозаическое слово. Для поэтического языка, по мнению А. Белого, приемлем только первый тип слова, именно он и является единицей поэтического образа. Однако А. Блок, развивая концепцию поэтического языка, отмечает: «...для развития идеи... могут явиться события более тонкие, чем готовые слова» [7, с. 13], намекая на то, что в поэтическом языке существует до сформировавшегося ясного понятия, схватывая единичное и неповторимое во всем, не отрицая и не устраняя логический смысл вещи, поэтический символ. Именно поэтический символ, полагали русские символисты, придает всей поэтической конструкции возможность продуцировать полисемантические элементы, восприятие которых не может быть строго однозначным или фиксируемым в рамках одного смыслового поля, но может варьироваться в зависимости от ментального уровня субъекта. Таким образом, поэтический символ, воспринятый с точки зрения формы поэтического текста, есть фактор не только индивидуального смыслопорождения, но и смысловывявления, то есть экспликации родовых особенностей философской лирики как таковой.

Подводя итог, важно отметить то, что поэтико-лингвистические искания русских символистов приводили к мысли о том, что специфичность поэтического языка лежит в области воплощения смыслов, а это значит, что поэтическая форма неотчуждаема от содержания. Наиболее приемлемой формой воплощения истинно-сущего в языковой поэтической конструкции являются суггестивные поэтические символы, которые позволяют лучше осмыслить противоречивый характер бытия и свидетельствуют о предельной семантической насыщенности поэтической конструкции как важнейшего компонента мыслительного процесса.

Содержательные аспекты философской лирики русского символизма

Значимость философской лирики как семантической конструкции объясняется тем, что определение содержательных границ философской лирики – частная проблема эстетики, имеющая выход не просто на вопросы литературной теории, но и на ее философские основы.

Русские символисты, используя понятие поэтического символа не только как формальный признак философской лирики, но и значимый содержательный аспект, настаивали на высвобождении энергии поэтического слова за счет расширения его смысловой основы посредством внутреннего опыта воспринимающего. Поэтический символ мыслился как изначально содержащий больше того, что обозначает, а благодаря его активному творческому восприятию у реципиента возникает возможность проникнуть в более глубокие духовные слои реальности. Подобная изначальная «неопределенность» (или, по выражению М. К. Мамардашвили, «недоопределенность») поэтического символа предполагает, что описание реальности всегда открыто для трансформации, переопределения, и ни одно из заявленных описаний не может быть законченной системой значений, но всегда нуждается в дополнении и субъективно-чувственной оценке. Таким образом, само стихотворение в философской лирике несет в себе более глубокий и таинственный смысл, предполагая когнитивное усилие, возможность более емкого содержательного анализа, включающего в себя необходимость плюралистических трактовок, указывая на неисчерпаемость и многообразие поэтического опыта.

Анализируя линию развития поэтического творчества русских символистов [15], используя в качестве доминантных форм описания триады (нередко применяемые в философии и культуре), позволяющие не только закреплять статику смысловых моментов, но и выявлять динамику их развития – значимыми оказываются как минимум две смысловые триады философской лирики русского символизма:

*«Русалка – Божья Матерь – София»
«Вестничество – Пророчество – Творчество»*

Первая триада подвижна и показывает историко-хронологическую смену образов Софии как основной философы русского символизма. В дохристианском сознании она явлена в мифологических образах-девах вод, русалках и жрицах. В период становления и развития христианства софийное начало обретает воплощение в образе матери, верной жены, Девы Марии и Божьей Матери. В период концептуального оформления и закрепления софийного начала (в творчестве В. С. Соловьева и в Серебряном веке русской поэзии) – в образе Божественной Премудрости, в облике жены, облаченной в солнце. *София* – это цельный смыслообраз, который предстает перед нами как символ символов, как единство морального и познавательного опыта, проецируемого в эстетическую сферу.

Вторая триада статична и призвана иллюстрировать отношение к познавательному опыту человека. Все элементы данной триады – *вестничество*, *пророчество*, *творчество* – слиты в стихотворении в рамках философской лирики, как в целостной эмоционально-интеллектуальной конструкции с универсальными временными и пространственными координатами, и понимаются как *эстетическая программа одухотворения сущего*.

Вестничество (Д. Андреев «Роза мира» [2]) рассматривается как выражение радости от благой вести, в её чисто христианской сакральности (в данном случае благою весть изначально призван нести поэт), *пророчество* выступает как мистическое знание о трансцендентном (поэт пророчесствует), а *творчество* понимается как возможность непосредственного выражения вовне внутреннего преобразования и одухотворения, как необходимость «пересоздать существующую действительность» [18, с. 881]. Стремясь максимально синтезировать все возможные пути постижения истинно-сущего и объединить все потенциальные возможности человека, русский символизм постулирует раскрытие мыслящего, чувствующего, волевого начал в человеке, который не должен ограничиваться только областью *искусства как вестничества* или оставаться в рамках *возвещения истины как пророчества*, осуществленного «устным проповедничеством» (Д. Л. Андреев) через религиозную философию, но *должен стремиться к творчеству*. Д. С. Мережковский вслед за Н. В. Гоголем замечает, что процесс творчества – это процесс, где есть возможность «всего... насквозь высветить человека во всех его силах, а не в одном уме» [Цит. по: 13, с. 220]. Таким образом, замыкая философскую лирику особой экзистенциальной антропологией, символисты настаивали на освещении целостного потенциала человека, что возможно только тогда, когда теоретический и практический, философский и литературно-художественный пласты будут слиты воедино, когда *вестничество*, *пророчество* и *творчество* сольются в единый процесс созидания и осмысления философской лирики.

Резюмируя, следует сказать о том, что философская лирика располагает многоплановой проблематикой, связанной с выявлением самопредставления индивидуума и самосознания человека как личности в различных ипостасях, формах и уровнях. Приведенные семантические триады символизма – это возможные семантические проблемные узлы, которые выявляются в поэтическом творчестве В. С. Соловьева и А. Белого. Семантика русского символизма, выраженная в данных триадах, позволяет усваивать еще не концептуализированное содержание мира, учитывая его эмоциональный и оценочный модусы, а основанием для выявления феномена философской лирики становится именно план содержания.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. В. С. Соловьев неоднократно повторяет, что логически ясный ответ можно получить в сфере всеобщего и рационального, в отношении «содержательной предметности», но вследствие единства идеи некоторые её стороны не всегда проявляются в логическом определении всех её форм. В рамках предложенного русскими символистами подхода полнота воплощения философских начал осуществляется только в результате единства теоретического и практического, логико-понятийного и художественного, и олицетворением подобного интегративного единства является философская лирика. Иными словами, философская лирика ценна именно тем, что её сила состоит не только в возвышении поэтического чувства к абсолютному, но именно в возможности таким путем увидеть абсолютное в единичном явлении. Философская лирика является не просто иллюстрацией исходного теоретического материала, её *остенсивная функция* даже не рассматривается, но является когерентно-достоверной мыслительной структурой, важным элементом когнитивного процесса и полноценной формой осуществления и воплощения философских начал. Таким образом, нами решена первая и третья задачи данного исследования: рассмотрены основные идеи русского символизма в диспозиции «философия – поэзия», а также обоснованы самобытность и важность философской лирики как универсальной модели воплощения истинно-сущего.

Вторая задача нашего исследования состояла в анализе философской лирики с точки зрения формы, то есть поэтического языка и поэтического символа. Нами было установлено, что русские символисты свидетельствуют об уникальности личного восприятия, суггестивности, о принципе побуждения к сотворчеству, к самостоятельному эстетическому осмыслению мира, а также выдвигают положение о необходимости участия в процессе смыслопорождения самого реципиента, который в состоянии добавлять к «изначальному смыслу» тончайшие субъективные, уникально личностные нюансы, что в дальнейшем приводит к возможности *поэтической аутодицеи* – самооправданию человеческого бытия через поэтико-эстетическое размышление о мире.

Анализируя содержательные аспекты философской лирики, важно помнить о том, что русские символисты наряду с «индивидуальным, личностным восприятием» постулируют положение о том, что философская лирика действует как логос, собирая воедино метафорические фрагменты в целостную поэтико-философскую систему, как возможность образно-теоретической модели отражения мира.

В перспективе дальнейшего исследования подобный подход к художественно-эстетическому аспекту символизма позволит развить определенную методологию прочтения и понимания философской лирики и философской интерпретации поэтического текста, что внесет весомый вклад в эстетику символизма и эстетику как таковую, а также поможет выявить специфику данного способа философствования и будет способствовать четкому дефинированию понятия «философская лирика».

Список источников

1. Аверинцев С. С. Человек в системе наук // Аверинцев С. С. Два рождения европейского рационализма и простейшие реальности литературы. М.: Наука, 1989. С. 332-342.
2. Андреев Д. Л. Роза мира. М.: Мир Урании, 2003. 608 с.
3. Башляр Г. Избранное. Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004. 374 с.
4. Белый А. Критика, эстетика, теория символизма: в 2-х т. М.: Искусство, 1994. Т. 1. 572 с.
5. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Мысль, 1994. 546 с.
6. Бердяев Н. А. Кризис искусства. М.: СП «Интерпринт», 1990. 47 с.
7. Блок А. А. О литературе: сб. статей. М.: Красный пролетарий, 1931. 341 с.
8. Исупов К. Г. Русская философская культура. СПб.: Университетская книга, 2010. 592 с.
9. Кормин Н. А. Философская эстетика Вл. Соловьева. М.: ИФРАН, 2004. 210 с.
10. Лосев А. Ф. Вл. Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2009. 617 с.
11. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995. 320 с.
12. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство, 1996. 846 с.
13. Мережковский Д. С. Мысль и слово: сб. статей. М.: Наследие, 1999. 350 с.
14. Сиземская И. Н. Поэзия как жанр русской философии: антология. М.: ИФРАН, 2007. 340 с.
15. Соловьев В. С. Неподвижно лишь солнце любви. Стихотворения. Проза. Письма. М.: Искусство, 1990. 445 с.
16. Соловьев В. С. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. 892 с.
17. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. 701 с.
18. Соловьев В. С. Философские начала цельного знания. Мн.: Харвест, 1999. 912 с.

Информация об авторах | Author information

Петрык Янина Юрьевна¹, к. филос. н.

¹ Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Petryk Yanina Yurievna¹, PhD

¹ Kuban State University, Krasnodar

¹ p_yanina@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.01.2021; опубликовано (published): 15.03.2021.

Ключевые слова (keywords): философская лирика; русский символизм; философская поэзия; истинно-сущее; экзистенциальные мотивы; philosophical lyrics; Russian symbolism; philosophical poetry; all things existent; existential motives.